

Эсфирь Яновская

НУЖНА ЛИ СКАЗКА?

Впервые опубликовано в: Игра, сказка и романтика в работе с детьми: Сборник статей / В. Арнаут, Ник. Миронов, И. Соколянский, Э. Яновская. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1927. С. 29–41.

I

Октябрьская революция, всколыхнувшая весь педагогический мир и заставившая нас приступить к переоценке всех педагогических ценностей, поставила нашу работу на свершено вые рельсы. Ко всем вопросам, имеющим какое бы то ни было отношение к воспитанию детей, ко всем дисциплинам, организующим внутренний уклад детской жизни, мы не подходим более с той абстрактно-идеологической формулой, которая признавала только ребенка а с тем конкретно материалистическим пониманием, которое требует не только знания биологической структуры ребенка, но и понимания окружающей его социально-политической среды.

Связать задачи воспитания с социальными условиями общественно-государственной жизни, вскрыть природу тех общественно-политических отношений, которые диктуют ясные и определенные законы в деле воспитания юного поколения — это и есть основная и ударная задача всей нашей педагогической деятельности¹.

Мы находимся в процессе исканий, в процессе самой активной созидательной работы; и именно потому, что мы должны искать и созидать, нам необходимо осматривать и ощупывать все камешки, из которых будет строиться наша новая педагогика. Нет той дисциплины, которая может оставаться вне поля нашего зрения: везде и повсюду наше критическое око, везде и повсюду наша ищущая мысль... И если верно, что мы должны подвергнуть критической оценке всю старую педагогическую работу, то это особенно необходимо в отношении «сказки», которая до сих пор продолжает занимать большое место в воспитании детей.

Что же такое сказка? И какое место надо ей уделить в деле социального воспитания — вот вопрос, на который необходимо дать ответ. В нашу задачу не входит дать всестороннюю оценку детским сказкам. Наша задача более ограниченная и более важная: вопрос о сказке и ее роли в развитии ребенка мы попытаемся осветить здесь, главным образом, с точки зрения классового воспитания, из которого непосредственно вытекает и другой вопрос — допустима ли сказка с точки зрения современного воспитания, идущего под знаменем пролетарской, революционной идеологии.

Сказка, как и всякое другое общественное явление, не знает застывших форм... Она живет и развивается вместе с развитием общественных отношений. Сказка в своем развитии пережила огромную эволюцию. В своей первичной форме сказка является отражением быта того народа, в среде которого она зародилась. В ней отражаются народные религиозные верования, обожествление предметов одушевленных и неодушевленных, отношение к животным, быт, нравы, вся окружающая природа... Вся жизнь первобытного общества воскресает в этом дивном продукте народного творчества — в сказке. Но с развитием общественных отношений сказка теряет свой первобытный характер, принимая все новые и новые формы.

Наступает момент, когда сказка из мира отношений человека к природе и диким зверям переходит в мир социальных человеческих взаимоотношений. От солнца, луны, дня и ночи, от дикого рева зверей, от их силы и величия человек, победивший природу и грозного врага своего — дикого зверя, становится в определенные отношения к человеку. И сказка как бы чеканит этот переход к новым общественным отношениям. Объектом народного творчества является уже и сам человек. На этих сказках ясно отражается уже та скрытая борьба общественных групп, которая зародилась с первого момента появления частной собственности. Труд и производство, жестокая эксплуатация, насилие человека над человеком, мораль сильного, этика господствующего насильника, мораль семейная, оберегающая все индивидуальные ценности, проповедь смиренности, кротости, терпения и боголюбия — все эти элементы ярко и красочно получили свое отражение в сказке.

Народная сказка — это несомненно язык человеческого рода, возвращающий нас к эпохе детства человечества, к доисторическому времени. Здесь нет споров, здесь нет сомнений.

Но далеко не так обстоит вопрос сказками другой категории, которые многие исследователи детских сказок называют «искусственными». Исследователи эти полагают, что ко всем «искусствен-

ным» сказкам, являющимся результатом индивидуального творчества отдельных писателей, вполне может быть приложено название волшебных — название, прекрасно характеризующее их сущность. Главный элемент, делающий эти произведения именно сказками, это фантастичность содержания; без этого элемента они превратились бы в простые очерки и рассказы.

Здесь совершенно упускается из виду, что кроме фантастичности содержания в так называемых «искусственных» сказках ярко выявляется еще один чрезвычайно важный в социально-педагогическом отношении элемент — это элемент классового наслоения. Тот или иной писатель — не только творец, имеющий в виду художественную сторону своего произведения, но он раньше всего носитель определенной классовой идеологии, дающей определенное направление его работе.

Эта категория сказок в огромном большинстве своем строит свою фабулу на классовом фундаменте. В этих сказках обычными героями являются короли, принцы, принцессы, добрые духи, волшебницы-феи, благодетельные богатые сынки, карающие зло и награждающие добро, «ангелы» — все они одарены красотой, добротой, чудесной силой, стремлением помочь несчастному, обиженному... Здесь автор выступает как певец и защитник господствующего буржуазного класса и под соусом волшебства, фантастичности, «мягкосердечия» и слащавой морали вызывает симпатию детей к глубоко замаскированной социальной несправедливости. Все эти и тому подобные сказки отличаются явно выраженным классовым характером: творец их — преданный гражданин того социального строя, где человек порабощается человеком и где мировая проблема голодных, эксплуатируемых трудящихся масс разрешается внешним примирением классовых противоречий.

Русская революция вскрыла ту разрисованную пестрыми красками завесу, за которой скрывается классовый характер всех социальных отношений... Завеса эта приподнята. Каждый шаг общественной жизни озарился новым светом. Сорвана маска утопического идеализма и поднято знамя марксистского понимания исторических событий. Поднято это знамя и в области педагогики. Каждый вопрос, связанный с задачей воспитания ребенка, должен рассматриваться с точки зрения новых социально-политических отношений, новых требований жизни. Раскрыта сущность тех идеалистических понятий, которые вкладывались в слова «народные идеалы», «демократические принципы», «идеалистические настроения», которые так часто употреблялись лучшими нашими

педагогами. Наступил момент, когда мы должны раскрыть и сущность «сказки» и ее роль в пролетарском классовом воспитании.

Под флагом биогенетического закона с одной стороны, и под флагом волшебства и фантастичности — с другой, ребенку преподносится та сказка, которая не только не способствует развитию в нем революционного духа, но которая отбрасывает его в лагерь, где царствует антиреволюционное настроение, мещанские предрассудки, буржуазная идеология. Несмотря на девятилетнее существование Советских Республик, ребенок еще до сих пор живет в атмосфере буржуазной сказки, в сфере влияния буржуазного «живого слова»... Мы должны, мы обязаны вырвать это орудие из рук буржуазных идеологов и передать его в руки революционных творцов нового социального строя, которые превратят его в орудие коммунистического воспитания детей. Этим они привьют ребенку не бесформенные «народные идеалы», а конкретные идеалы пролетарской классовой борьбы, ведущей к созданию будущего, коммунистического общества.

К сожалению, сказка имеет слишком много сторонников. Ученые, заслуженные профессора, специалисты-педагоги подходят к вопросу о сказке со многих точек зрения: тут фигурируют и биогенетический «закон», и индивидуальные особенности детской фантазии, и «психический» склад того или иного ребенка, и развитие художественного чувства; тут приняты во внимание все ценности, сложившиеся в эпоху буржуазного господства под влиянием определенных исторических условий. Одного только нет: нет классового освещения вопроса, которое должно все вышеназванные ценности выявить в совершенно новом свете...

Это классовое освещение необходимо внести в вопрос о том, нужна ли «сказка» в воспитании современного ребенка. Только подведение этого основного базиса приведет нас к правильной социально-педагогической оценке сказки.

Но если классовый замысел и влияние сказки индивидуального творчества не так трудно раскрыть, то этого нельзя сказать по отношению к народной сказке, которая имеет самых ярких защитников в лице лучших педагогов. Редко встретишь педагога, который не придавал бы огромного значения народной сказке и который не усматривал бы в ней лучшего фактора воспитания.

Уже в самом раннем возрасте детям преподносится такой материал, которого они совершенно не понимают и который дает самые отрицательные результаты в деле социального воспитания. Полные символизма и мистицизма сказки и мифы, басни и стихотворения,

символический животный эпос — кто из нас не испытал всех «преlestей» этого поистине антисоциального воздействия?

Задумывается ли наш старый педагог, работавший много лет в условиях царского режима, над классовым выбором материала для рассказывания? Конечно, нет. Наш рынок наполнен достаточным количеством педагогически патентованных сказок. Тут и Золушка, и Спящая Царевна, и Красная Шапочка, сказки Андерсена и Гримма — все они в каталогах отмечены «звездочкой» как лучшие произведения, следовательно, их полезность не подвергается сомнениям. Привычка, образовавшаяся на протяжении долгих лет, естественно и неизбежно привела многих к суммарному выводу о необходимости и безусловной полезности сказочного материала. Только этим и можно объяснить появление и в настоящее время таких сборников по рассказыванию, где рекомендуются сказки, воспитательное значение которых находится в явном противоречии с новыми задачами пролетарски классового воспитания.

Другой причиной распространения старой литературы является «биогенетическая теория», разделяемая такими крупными педагогами-исследователями, как Стенли Холл, Болдуин Клапаред и Дж. Дьюи. Теория эта гласит, что ребенок в процессе своего развития проходит сокращенным путем те же этапы, через которые прошло человечество и, следовательно, те же культурные стадии в своем интеллектуальном росте. Это якобы необходимые этапы в его развитии, избежать которые нельзя и бороться с которыми неразумно и пагубно.

Вот почему, говорят эти педагоги, мир сказок, где действительность сплетается с фантазией, ребенку, как и первобытному человеку, становится близким и понятным. И нечего бояться, что сказки отвлекут ребенка от реальности, разовьют в нем мистицизм и болезненную фантазию, помешают развитию его активных сил; ребенок увлекается и наслаждается сказкой только в то время, когда он слушает и переживает, а кончена сказка — и он снова весь в реальном мире, среди действительных вещей.

Вот «принципиальный» подход некоторых педагогов к сказке и к ее роли в деле воспитания.

И на основании этого принципа делаются практически выводы, заставляющие педагогов воспитывать ребенка во враждебном пролетариату духе. Если ребенок в своем развитии переживает все то, что пережило человечество, если он последовательно проходит все этапы, начиная от состояния дикаря и кончая состоянием современного культурного человека, то и материал, даваемый ребенку

для проработки, должен вполне соответствовать «природным» запросам маленького дикаря. Отсюда и та тесная связь, которая устанавливается между народной сказкой и воспитанием ребенка.

Таково мнение защитников биогенетического закона, такова идеология, на которой воспитывалась мысль нашего учительства.

II

На основании многих данных, которые появились за последние годы в текущей научной литературе, можно с уверенностью сказать, что разбираемая точка зрения на роль и значение биогенетического закона вообще и народной сказки, в частности, лишена того научного базиса, который под свою работу должны подводить педагоги.

Кроме физической природы ребенка, есть еще окружающая его природа социальная, или социальная среда, складывающаяся из различных элементов человеческой культуры.

Между этой общественной средой и каждым ребенком существует определенное равновесие. Нельзя мыслить себе человека, а, следовательно, и ребенка вне общества и без общества. Общество представляет из себя не отдельных людей, существующих совершенно изолированно друг от друга, а одну тесно спаянную систему, где происходит непрерывное и непосредственное влияние людей друг на друга. Детский коллектив, как и общество взрослых, не может быть, конечно, рассматриваем, как простая сумма детей, из которых каждый ребенок живет своей «внутренней», обособленной жизнью. Нельзя думать, что деятельность ребенка стимулируется его собственной природой. Детский коллектив, вся направленность его поведения есть не что иное, как продукт взаимодействия детей и взрослых, продукт непрерывающегося взаимного общения. Каждый ребенок, являющийся членом данного общества, имеет в лице этого общества свою среду, насыщаясь определенным социальным содержанием. Одно общество — одна среда, другое общество — другая среда... Одна среда — одни дети, другая среда — другие дети... Отсюда ясно, что личность развивается не в зависимости от своей индивидуальной природы, а в зависимости от того содержания, которое дает ей окружавшая среда.

Ребенок живет не один: он воспитывается в семье, в школе, на улице... Он, выражаясь словами Бухарина, «говорит на языке, который есть продукт общественного развития; думает понятиями,

которые выработал ряд предыдущих поколений; видит вокруг себя других людей со всем их бытом; на глазах у него весь распорядок жизни, который ежесекундно на него влияет. Он, как губка, всасывает в себя новые и новые впечатления. На этом он и „образуется“, как личность. Значит, по сути дела в каждой личности вложено общественное содержание. Сама отдельная личность — это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узелок»...

Можно ли после этого говорить о ребенке, как о дикаре, никакими нитями не связанном с окружающими его внешними условиями?..

Можно ли всерьез говорить о «действенном» биогенетическом «законе», который рассматривает ребенка под углом зрения его природы, а не среды? Мы должны говорить только о среде и о среде определенной.

С другой стороны, мы не можем не принять во внимание того чрезвычайно важного обстоятельства, что ребенок с первого дня рождения находится не в той специфической обстановке, в которой человечество прожило свое детство, а в обстановке, достигшей большого культурного развития. Если правильно, что мы должны давать детям только такую сказку, которая является отражением творчества первобытных народов, то как быть с языком, с пищей, с формами внутренней и внешней жизни, как быть с искусством, которого ребенок не может не видеть? Не говорим же мы с маленькими детьми языком первобытного человека? Дети слышат развитую речь, видят городские улицы, высокие дома, хорошо приготовленную пищу; дети слышат революционные песни, участвуют в массовых политических праздниках; дети видят на выставках художественно исполненные работы, слышат на фабриках и заводах шум движущихся колес; они видят афиши, книжки, автомобили, аэропланы, пароходы, железную дорогу; они, наконец, живут в дни революции, в дни диктатуры пролетариата, и к каждому явлению они присматриваются и прислушиваются с необыкновенным вниманием. Может ли кто-нибудь отрицать, что наряду с биологическими процессами есть еще один процесс, не менее важный — процесс социальный, где ребенок живет уже не как первобытный человек, а как ребенок данного общества, данной культуры, данного общественно-политического строя, данной среды, определяющей все его поведение?

Когда мы работаем с детьми, мы должны твердо помнить, что перед нами не дикарь, не первобытное существо, а ребенок,

стоящий у преддверия социалистического строя. Никакие биогенетические законы не могут и не должны отвлечь нас от искания тех методов воспитания, которые должны научить ребенка смотреть трезвыми глазами на весь окружающий его мир и которые выработают в нем материалистическое понимание общественных отношений.

На все волнующие ребенка вопросы мы должны давать соответствующие действительности ответы, раскрывающие сущность классового антагонизма, и этого вполне достаточно, чтобы ребенок осознал свое классовое положение.

Питаюсь не мертвым материалом творчества первобытного человека, а впечатлениями «живой жизни», революционной среды, каждый нормальный ребенок впитает в себя ту несомненную истину, что только в коммунистическом обществе, не знающем деления людей на классы, человек и человечество обретут свое счастье.

III

Что такое сказка в условиях нашей современной жизни и какое место должна она занимать в системе социального воспитания? Являясь фактором классового буржуазного воспитания в буржуазных странах, может ли сказка и в дни диктатуры пролетариата играть роль фактора классового пролетарского воспитания?.. Вот вопросы, на которые необходимо дать ответ.

Сказка не является случайным явлением; она зародилась везде и повсюду: у народов всего мира мы встречаем одни и те же идеи, одни и те же фантастические образы, вытекающие из определенного «материального бытия». Народное коллективное творчество в первобытную эпоху упорной, жестокой борьбы человека с природой — вот колыбель сказки. Дальнейшее ее развитие есть продукт развития производственных отношений. Индивидуальное творчество, как мы уже говорили выше, отражает определенную идеологию господствующего класса. Сказка служила опорой человеку — в ней человек в определенный период своего развития находил свое утешение: а в дальнейший период общественного развития буржуазный класс убаюкивал ею растущее детство. Вся мораль господствующего класса проводится через эту примитивную форму искусства, которая так на руку врагам пролетариата: через сказку и на сказке идет процесс затемнения детского сознания, через сказку и на сказке выращивается тип покорного раба.

Такое ли воспитание должны мы дать пролетарскому ребенку? Довольно его обманывать, петь ему песни о том, что неизмеримая мощь лежит в таинственном, неразгаданном. Довольно приписывать мощь всяким чарам и волшебным напиткам, а слабость и беспомощность — тому бедняку, тому угнетенному и эксплуатируемому, для кого эти сказки и пишутся. Идеалы бедняка сделаться богачом, а мужика царем — эти идеалы, которые буржуазные воспитатели прививали детям с раннего детства, нами прокляты все-речь и навсегда. Наш идеал — не богач и не царь, а бесклассовое общество, видящее мощь не в чарах, а в победе человеческого труда, подчиняющего себя все необъятные богатства природы. В вере в мощь пролетариата, который прокладывает путь к этому бесклассовому обществу, мы и должны воспитать юное поколение, которому предстоит быть активным участником мирового Октября. В дореволюционный архив бросим мы буржуазные сказки, в которых мир населен сказочными могущественными существами, другое, живое, слово дадим мы современному ребенку... Мы дадим ему реальный материал из реального мира, из которого он узнает, что могущественным и непобедимым героем в мире является пролетарская масса, которая готовится дать буржуазии последний и решительный бой на мировом фронте... Здесь сказке места нет, и мне думается, что с этим не согласиться нельзя. Не отвлеченная бесформенная сила, идущая из таинственных щелей потусторонней жизни, карает «зло» и награждает «добро», а могучая сила пролетариата, направленная к определенной, ясной цели, уничтожает ненавистный буржуазный строй и на его обломках воздвигает грандиозное здание коммунизма...

К борьбе должны мы звать наше подрастающее поколение, а не к «примирению».

Ребенок должен знать, что не в фантастических грезах и небесных обещаниях найдет он спасение свое, а в осознании своих классовых интересов, требующих реальной борьбы. Отсюда ясны выводы. Не сказка нам нужна, которая вводит в мир несуществующего, фантастического — нам нужен реальный мир с раскрытием реальных действующих сил и общественных отношений.

Детская литература нашего времени должна отражать идеалы борющегося класса, ведущего человечество к преобразованию всей жизни.

Борьба и уверенность в победном исходе борьбы — вот на этой формуле классового самосознания должны мы построить все дело социального воспитания. На этой формуле должен быть построен и

наш материал для рассказывания, который должен дать определенное направление детским эмоциональным переживаниям, детским настроениям.

Нам нужен правдивый рассказ с отражением современной действительной жизни; в нем должны звучать пролетарские лозунги, зовущие к борьбе за лучшие идеалы; между рассказом и нашей современностью не будет зияющей пропасти; в нем — в рассказе — ребенок найдет подтверждение всему тому, что он слышит и видит вокруг себя в каждый момент своей жизни. Отныне детская литература должна перестать быть буржуазной ложью и дурманом, отныне всякий детский рассказ — это пролетарская правда, протягивающая живые нити между общественным бытием и печатным словом. Детская литература должна открыть глаза детям на окружающий их мир. она должна научить их различать зло от добра, безобразие от красоты, труд от эксплуатации.

Реализм — вот наш новый лозунг. Лишь на этом реальном фундаменте могут быть сотворены самые яркие красочные образы, уносящие детей в тот будущий коммунистический строй, наступление которого совершенно неизбежно.

IV

С самого раннего детства необходимо окружить детей определенной средой, т. е. суммой таких раздражителей, которые заложили бы начало правильной жизненной установке во всей деятельности ребенка. С этой целью мы стараемся обеспечить детей тонирующими внешними стимулами, ведущими к обогащению детских представлений, к накоплению определенных эмоций, к выявлению детского творчества реалистического характера.

При организации детской жизни мы активно стремимся к созданию определенного педагогического воздействия на детей, которое должно охватить не только социальную, но и биологическую их природу. На биологические возможности ребенка мы отвечаем созданием необходимых стимулов, которые заметно поднимают биологический темп деятельности ребенка.

Когда ребенок, рисуя, выводит птичку с четырьмя ногами, а корову с двумя, когда он ветки дерева окрашивает в фиолетовый цвет — что делаем мы, педагоги, в таких случаях?

Каждый вдумчивый работник постарается поближе познакомиться детей с теми предметами, которые они так неправильно себе

представляют. Мы покажем детям корову, дерево, птичку. Было бы очень печально, если бы педагог не обратил внимания на необходимость обогащения детей правильными, реальными представлениями. И если в процессе нашей работы нам, руководителям, приходится давать детям свои рисунки, то совершенно ясно, что мы не «идем за ребенком» и не даем ему неправильных рисунков, потому, мол, что, ведь, ребенок сам так рисует, значит, он «биологически» не подготовлен к восприятию более правильных представлений. Наоборот — мы даем ему самые реальные, конкретные образы. То же мы делаем с разговорной речью, с песней и т. п.

Как бы ребенок ни говорил плохо, мы даем ему правильную речь... Если ребенок не в состоянии правильно спеть самую примитивную песенку, коверкая совершенно ее мелодию, мы не будем петь ее так, как он поет, а наоборот.

Если б мы поступали иначе, если б мы продолжали держать детей в атмосфере неправильных звуков и представлений, неправильных речевых рефлексов, мы только удлинjali бы и усложняли бы путь воспитания.

Когда мы говорим о языке, песне, рисунке, педагогика не ориентируется на детскую фантазию. Здесь никто не говорит о том, что фантастические замыслы детей должны быть руководящими моментами в нашей педагогической работе.

Но, когда речь идет о сказке, здесь старая педагогика требует совершенно иного подхода: она требует, чтобы мы «шли за ребенком».

Здесь некоторые педагоги требуют, чтобы мы «детскую фантазию» поддерживали представлениями, что «волшебная палочка» может заменить тяжелый труд; что закон причинности побеждается чудесами; что с помощью чар можно перенестись в «далекое будущее» и социальные противоречия реальной жизни могут быть заменены «торжеством добра и справедливости» в сказочном мире.

И все эти требования базируются на присущей будто бы детям «фантазии»... «Дети так понимают окружающий мир, и мы должны с этим считаться» — таково требование старой педагогики.

«Для ребенка все возможно, — говорят некоторые педагоги. — Ребенок верит, что можно быть изрубленными в куски и снова ожить; можно сотни лет просидеть в подземелье и выйти оттуда молодым и прекрасным».

Весь мир представляется детям каким-то бесконечным волшебством и это представление необходимо поддерживать — так решает вопрос старый педагог. Неизбежно возникает вопрос: что же пред-

ставляет собою эта детская фантазия, ведущая к определенному детскому творчеству, и может ли она являться определяющим моментом в деле организации педагогической работы?..

Прекрасный ответ на этот вопрос находим мы в статье профессора Владимирского «Торжество момента в жизни ребенка» («Путь Просв.» за 1925 г.).

Целым рядом конкретных фактов, взятых из детской жизни, Владимирский со свойственной ему четкостью доказывает, что «не на плюсах, а на минусах духовного инвентаря построены у детей те бросающиеся в глаза качества их, благодаря которым они так характерно отличаются от взрослых. Не преимущество, а убогость и слабость недоразвитой детской природы лежит в основе детского творчества, которому приписывается особая сила. Самое беглое знакомство с действительностью приводит к неизбежному выводу, что у детей преобладают биологические черты и превосходство унаследованного опыта перед приобретенным».

«Бедный и краткий приобретенный опыт ребенка, — говорит проф. Владимирский, — еще не мог создать, в порядке постепенного развития, чувств высшего порядка, оттого-то и всякая попытка приписать детям наличность тонких и содержательных эмоций граничит с некоторой наивностью».

«Попробуйте спросить ребенка, что он видел в кинематографе? Вот приблизительный ответ: „Гм... гм... гм... было так смешно... Он его водой, а тот летит, разбил тарелки, а там полез на крышу, а он его догоняет и упал“».

«Поймите из этого хаоса выхваченных моментов что-либо».

«Узость ориентировки во всех направлениях психической жизни кладет отчетливый отпечаток на детское поведение: скороспелость заключений, нелепость восприятий, вспышка эмотивной окраски с необычайной легкостью создают удобную почву для расцвета самых разнообразных ошибок суждения во всех тех обычных иллюзиях, которыми так богато поведение ребенка».

«Детское творчество — это нечто переходное в роде стадии личинки или куколки, на чем задерживаться дольше, чем это необходимо, не всегда бывает в интересах растущего организма».

«Разумное руководство взрослых, — говорит в заключении проф. Владимирский, — всегда полезно и необходимо».

Выводы, которые делает автор статьи «Торжество момента», не отвлеченность. Всякий, кто без предвзятой идеи прочтет эту статью, являющуюся учетом практической собранного материала, не сможет не согласиться с безусловной правильностью этих

выводов. И в самом деле: чем, как не убожеством и слабостью недоразвитой детской природы, можно объяснить ту «творческую» работу детей, где дерево окрашивается в фиолетовый цвет, и где знакомый мальчик Петя обогащается в рисунке пятью ногами?

«А почему ты нарисовала 5 ног? Разве у Пети 5 ног?» — спросила я как-то шестилетнюю девочку в детском саду.

«А как же? Чтобы он мог лучше бегать, ему нужно пять ног».

И этот ответ кажется девочке необыкновенно убедительным, потому что у детей все возможно: «можно быть нарубленным на куски и снова ожить»... Можно иметь сколько угодно ног, чтобы лучше бегать.

Такие нелепые представления являются безусловно минусом в определении того, что мы называем детским творчеством. Только недоразвитая детская природа, только малый приобретенный опыт лишает детей понятий высшего порядка должна быть направлена вся педагогическая работа; последняя помогает детям выбираться из того хаотического мира, в котором они живут первые годы своей жизни.

Отсюда ясно, что мы не только не должны давать детям волшебных сказок и этим еще больше поддерживать и углублять убожество детской мысли, а наоборот — мы должны принимать все меры, чтобы детская фантазия насыщалась и пронизывалась конкретностью и активной деятельностью, ибо только при этих условиях легко и свободно вырабатывается в детях то, что Владимирский называет понятиями «высшего порядка».

Но как же это сделать? Каким образом можно конкретно разрешить вопрос о детской фантазии?

Чрезвычайно интересный и правильный ответ на этот вопрос дает нам Залкинд в своей статье «К вопросу о пересмотре педагогики».

Указывая, что фантастика в отличие от здорового воображения и творческой фантазии характеризуется отрывом детской умственной деятельности от конкретных стимулов. Залкинд указывает, что единственно возможный воспитательный путь для правильного общефизиологического и творческого роста — это деятельность и конкретность. Наряду с развитием вполне трезвого, точно последовательного отношения к действительности в детские годы необходимо также культивировать здоровую творческую детскую фантазию, т. е. такую фантазию, которая питалась бы конкретностью и активностью.

«Росказни и сказки о предупреждающих боговых огнях на стенах погибающего Вавилона и о коврах-самолетах — это вреднейшее извращение реальности, так как взамен наталкивания на научный анализ и активность топят детскую любознательность в глубоком преклонении перед чудом, перед магической силой всемогущей феи и т. д. Это фантастика — и она должна быть изъята из детского обихода. Мистицизирующий же и мифицирующий материал с задачами коммунистического воспитания несовместим. Наша реальность обладает значительно большими возможностями формальной красоты и культурной ценности, чем наше сказочное литературное наследие. Рассказы о действительной борьбе с реальными подробностями по мощному, здоровому своему влиянию несравнимы с чудесными выдумками о великих феях»...

На основании всего вышесказанного можно с уверенностью сказать, что вопрос о детской литературе должен получить такое же разрешение, какое давно уже получили многие другие вопросы в нашей практической работе.

Только конкретность должна питать творческую фантазию детей. Только в ней, в этой конкретности, и через нее может быть обеспечен нормальный рост реальных детских представлений и нормальное направление детской активности.

Вся организация педагогического процесса заключается таким образом в том, чтобы окружить ребенка соответствующими стимулами, связывающими его с окружающей реально обстановкой. Отсутствие этой реальности необходимо рассматривать, как тормоз, мешающий развитию в детях реалистического, марксистского миропонимания. Вот почему нельзя воспитать детей на той детской литературе, которая отрывает их от действительной жизни и которая создаст в них привычку рассматривать жизнь сквозь призму «волшебных чар». Мы должны вооружить детей материалистическим пониманием общественных отношений, а это может быть достигнуто лишь в том случае, если мы с самых ранних лет жизни ребенка научим его реалистически мыслить; если мы его слабую, убогую мысль «о таинственной силе волшебной палочки» лишим какой бы то ни было пищи; если мы разовьем в нем сильное, устойчивое убеждение, что не «чары» являются движущей силой, а те глубокие классовые противоречия, развитие которых ведет неминуемо к уничтожению капиталистического общества если мы раз навсегда откажемся от каких бы то ни было сказок.

Создание здоровой, коммунистической смены, творческая фантазия которой должна находить корни только в осознании классово-

вых интересов и необходимости классовой борьбы, — в осуществлении этой задачи альфа и омега социального воспитания, строящегося на принципах строгого реализма.

Примечания

- ¹ Из книжки: Э. Яновская — «Нужна ли сказка пролетарскому ребенку?»
Изд. «Книгоспилка», 1925 г., Харьков.